

В.В. Сербиненко

Египетские сюжеты в русской философии (Вл. Соловьев и В.Розанов)*

Безусловно, тема диалога цивилизаций исключительно многогранна. Исторические связи народов и государств, уходящие своими корнями в глубь веков традиции культурного взаимодействия, рецепции самых разнообразных идей и сюжетов... Выяснение такого рода связей и параллелей будет важным и актуальным всегда. Мы всегда будем благодарны исследователям, которые смогут рассказать нам что-то новое об историческом диалоге наших народов и наших культур. И все же, если мы говорим о диалоге, то не вправе игнорировать глубоко личностный смысл самого этого понятия. Свидетельства о восприятии и попытках постижения *иных* цивилизаций нашими соплеменниками особенно важны как раз для понимания личностного уровня того процесса, который сегодня обозначается как «диалог цивилизаций». Такие свидетельства имеют особую ценность, когда речь идет о действительно выдающихся культурных деятелях, о мыслителях, чьи характеристики иных культурных миров интересны уже сами по себе, поскольку их личные творческие позиции в существенной мере отразили исторический опыт самопознания в национальной культурной традиции. Можно сказать, что, храня верность древнему философскому завету, они и на чужих берегах были способны «познавать себя», угадывать черты «родного и вселенского» в неисчерпаемом в своем многообразии историческом процессе культурного диалога.

* Работа написана при поддержке РГНФ, проект № 13-03-00552а.

Крупнейший русский метафизик XIX в. Вл.Соловьев по праву может быть причислен к наиболее последовательным сторонникам «диалога цивилизаций» своего времени. Многие годы он боролся за восстановление единства христианского мира (за воссоединение церквей), решительно осуждал любые формы колониализма (международную политику европейских государств он именовал «политическим людоедством»), расового и национального угнетения. В то же время, считая себя именно христианским мыслителем, Вл.Соловьев всегда был принципиальным противником религиозного синкретизма, проповедующего равнозначность различных религиозных традиций и идею «новой», «высшей» универсальной религии, окончательно стирающей границу между ними. В такого рода проектах, возникающих на европейской почве, он видел либо очередную и безнадежную утопию, порожденную безверием, утратой религиозных ценностей в мире современной цивилизации, либо идеологическое влияние тех религиозных традиций, в которых синкретические установки всегда играли важную роль (в первую очередь, буддизма). В росте числа адептов необуддизма и неоведантизма на Западе и в России Вл.Соловьев усматривал отнюдь не религиозное возрождение, а дальнейшее углубление духовного кризиса, дальнейшее размывание религиозных основ общественной жизни. (Это критическое отношение философа к синкретической идеологии и буддизму стало одной из причин его полемики с Л.Толстым.)

Если говорить об отношении Вл.Соловьева к исламу и исламскому миру, то, как мне представляется, оно в первую очередь определяется *уважением*, которое испытывал русский мыслитель к этой духовной традиции, к мировому значению культуры мусульманского Востока. Вл.Соловьеву принадлежит исторический очерк о жизни основоположника ислама. Читая его, чувствуешь, что автор смотрит на Магомета «извне», несколько не скрывая своей принадлежности к иной религиозной традиции. Но созданный им исторический портрет – это действительно портрет, отразивший взгляд автора-христианина, чуждый идеализации, но и лишенный даже малейшего оттенка кощунства, написанный с искренним и глубоким уважением. Вл.Соловьев был убежден в абсолютной истинности лишь одной религии – христианства, но, оценивая современное ее положение, не без горечи признавал, что «мусульмане,

таким образом, имеют перед нами то преимущество, что их жизнь согласуется с их верой, что они живут по закону своей религии ... тогда как мы, признавая по вере закон христианский, устраиваем свою действительную жизнь совсем по другому закону, унаследованному нами от времен дохристианских»¹.

Подлинное понимание своеобразия иной цивилизации всегда предполагает определенный личный опыт, опыт своего собственного «диалога» с культурой другого народа. В отношении мусульманской цивилизации такого рода опыт у Вл.Соловьева был связан прежде всего с Египтом. Русский философ был глубоко привязан к этой стране (вероятно, не в меньшей степени, чем его современник К.Леонтьев к Турции). Уже в конце жизни, отвечая на вопрос популярных тогда игр-анкет: «Где желали бы жить?» – он написал: «В России и в Египте». Вл.Соловьев был в Египте дважды: в молодости и уже за два года до смерти, весной 1898 г. Поразительно, но в его восприятии Египет явно сближался с Россией и это касалось даже природы. «В Египте, – писал он в одном из писем, во время своего второго египетского путешествия, – мы нашли благодать: озимые поля готовые к жатве (как у нас в конце июля), а яровые – великолепные, зеленеющие. Перед нами начался зной палящий, но мы принесли северный ветер и приятную прохладу». В Каире он пишет одно из своих лучших стихотворений «Нильская дельта». Философ планировал также поездку в Палестину, но средств хватило только на относительно недолгий срок пребывания в египетской столице. Воспоминания о первом путешествии в Египет буквально преследуют его, и уже после возвращения на родину, осенью 1898 г. он пишет поэму «Три свидания», чтобы «воспроизвести в шутивных стихах *самое значительное из того, что случилось с ним в жизни*».

Таким образом, истоки привязанности Вл.Соловьева к Египту надо искать в обстоятельствах его первой поездки в эту страну. А они, надо сказать, были достаточно необычны. Выехав из Лондона, где он находился в научной командировке, в октябре 1875 г., двадцатидвухлетний Соловьев прибыл в Каир (посетив до этого Александрию) 11 ноября того же года и прожил в египетской столице четыре месяца. О подробностях его пребывания в Египте известно не так уж и много². В письмах родителям он писал о «великолепном музее египетских древностей», сообщал, что «климат превос-

ходный» и «вообще же в Каире жить приятнее, чем в каком-нибудь другом месте за границей». Известно также о его, так и неосуществленной, попытке путешествия в Фиваиду. Существуют сведения, что Соловьев посещал в пустыне неких подвижников-аскетов.

Однако более важно другое. Все это путешествие стало итогом глубоко мистических переживаний молодого философа и поэта, отправившегося в Египет на «третье свидание» с «подругой вечной», мистической Софией, чей «пронизанный лазурью» образ явился ему впервые еще в детстве. Этим событиям и посвящена автобиографическая поэма Вл.Соловьева «Три свидания». Свидание, если верить автору поэмы, состоялось недалеко от Каира («верстах в двадцати») и было сопряжено с событиями весьма драматическими: встреча с бедуинами («которые ночью приняли меня за черта»), ночь в пустыне и, наконец, ночное видение:

И я уснул, ... когда ж проснулся чутко, –
Дышали розами земля и неба круг...
И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Без всякого преувеличения можно сказать, что эти мистические переживания юного философа оставили неизгладимый след в его душе. «Личное перелилось в универсальное», – так современник Вл.Соловьева Василий Розанов писал о рождении собственной оригинальной философии, «метафизики пола». Но нечто подобное имело место и в духовной биографии Вл.Соловьева: глубоко личный, «египетский» опыт нашел впоследствии «универсальное» воплощение в его поэзии и философском учении (идея «души мира», Софии как «вечной женственности» и *мн. др.*). **Впрочем, уже в Каире** философ пишет философско-мистический трактат, которому дает символическое название «София». Многие идеи этого так и не завершеного сочинения сохраняют свое значение и в дальнейшем творчестве философа. Тогда же, совместно со своим другом, князем Д.Цертелевым, он написал небольшой диалог «Вечера в Каире».

В отличие от Вл.Соловьева, В.Розанов никогда не был в Египте. Но есть все основания говорить о его *духовном путешествии* в этот мир древнейшей человеческой цивилизации. Причем, он от-

крывает «свой Египет» не в молодости, как Соловьев, а уже буквально в конце жизни. В годы Первой мировой войны и в преддверии революции В.Розанов обращается к культуре Древнего Египта, веря в то, что он нашел в ней свою духовную родину: «А более всего я люблю египтян... Корень всего – Египет. Он дал человечеству первую естественную Религию Отчества, религию Отца миров и Матери миров... научил человечество молитве, – сообщил всем людям тайну “молитвы”, тайну псалма... Основные и первые религиозные представления, – фундамент религии, столпы религии, – сложены были в Египте. О, это гораздо выше пирамид, крепче пирамид, вечнее пирамид... Начала цивилизации на самом деле были положены не греками и не евреями. Авраам, первенец от иудеев, пришел в Египет, когда он уже сиял всеми огнями. Авраам лепетал, когда Египет говорил полным голосом взрослого мужчины. Все народы – дети перед египтянами, а, следовательно, и вся история – египетское дитя»³. Апологии Египта и египетской культуры В.Розанов посвятил несколько выпусков своего цикла «Из восточных мотивов» (1916–1917).

Отметим только некоторые существенные моменты розановской реконструкции образа древнеегипетской культуры. Сделать это не так просто уже в силу известных особенностей творческого стиля этого блестящего писателя и оригинального мыслителя. В зрелые годы В.Розанов писал исключительно в эссеистической манере, не утруждая себя бременем систематического изложения собственных идей. Можно сказать, что он в большей мере желал сделать их *зримыми*, чем открытыми для рассудочного понимания и истолкования. Не случайно на страницах его «восточной» книги изображено так много древнеегипетских символов. Сам писатель полагал, что именно такой принципиально не аналитический подход соответствует духу и стилю египетской культуры: «Египтяне вечно брали природу в синтезе, а не в анализе, чувствовали ее синтетические токи и направления, а не разлагающие... Без этого синтеза и влечения к нему, тайной радости о нем, – не встречается почти ни одного египетского изображения»⁴. Египет для В.Розанова – вечно живой символ цельности и органичности человеческой истории и самого человека. В египетской культуре, по его убеждению, представлены еще не замутненные аналитическим схематизмом истоки общечеловеческой цивилизации.

Как известно, тема пола, половой любви – это центральная тема философских размышлений В.Розанова. Поздний Розанов критиковал, например, христианство, прежде всего, за пренебрежение полом, за отталкивание от собственно человеческих, земных проявлений любви. В Египте он был склонен видеть нечто прямо противоположное: культ всего, что имеет отношение к полу, к любви, рождению, материнству. Так, В.Розанов приводит в своей книге древнеегипетское изображение «из храма в Ерменте», названное им «Египетское материнство, охраняемое, берегаемое и согреваемое ангелами», со следующим комментарием: «Ни одной нет и не было цивилизации, которая дала бы такую картину и мысль такой картины... И ничего другого не надо видеть, чтобы понять, чем был Египет и для чего он жил. Для чего Бог “воззвал его в историю”»⁵.

Последую этому типично розановскому «совету» и приведу только два фрагмента из его книги, которых вполне достаточно, чтобы понять то главное, что нашел В.Розанов в древней культуре Египта.

Примечание В.Розанова к изображению Изида с младенцем: «Ничего прекраснее женщины, кормящей грудью младенца своего, не будет. Бог сказал. И люди сказали: – Да. Так вышло изображение Изида».

Комментарий В.Розанова: «Египтяне суть народ, по истине гениальный равно в религии, в морали и искусстве. Они не только не взяли в основу религии какое-нибудь отвлеченное понятие, например: “творец мира”, “бог”, “дух” и т. д., а – **взяли осязательнейшее** и перед лицом каждого лежащее, – отца, обобщенно и у всех людей – “наши живые отцы”, “наши живые матери”. Но именно – живые и сущие... Это имело чрезвычайные последствия, сотворив необыкновенную свежесть, живость и мощь их религии. “Естественно каждому больше всего на свете любить свою мать”: и вот перед каждым египтянином мерцала мысль: “моя мать кажется есть Изида”... Египтяне, и только они одни во всемирной истории, среди всех цивилизаций Востока взяли для изображения Изида самый острый, страстный и нежащий “уголок материнства” – кормление младенца грудью. Кроме них ни один народ этого не сделал; и хотя мне раз это попало на халдейском рисунке, но только раз: и в Халдее оно почему-то не удержалось. Почему не удержалось?

Не нашлось вкуса и понимания. Египтяне одни ухватили, что это — центр и суть. И самой “кормящей матери”, как и младенцу, они придали вид исключительной нежности и глубины...»⁶.

Отношения между двумя русскими философами, Вл.Соловьевым и В.Розановым, складывались не просто: периоды взаимопонимания слишком часто уступали место резкой и нелюбезной полемике. Различия в их философских и жизненных позициях были действительно существенными. И хотя Египет они любили оба, но воспринимали его, безусловно, по-разному. Тем не менее, нельзя не признать, что и тот, и другой мыслитель смогли вступить в своеобразный «диалог» с древнейшей цивилизацией мира, диалог глубоко личностный и неравнодушный.

Примечания

- ¹ Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Соч. Т. 1. М., 1989. С. 102.
- ² Наиболее глубоко и детально этот период в жизни и творчестве философа исследован в книге А.П.Козырева «Соловьев и гностики» (М., 2007).
- ³ Розанов В.В. Из восточных мотивов. Пг., 1916. С. 7.
- ⁴ Там же. С. 20.
- ⁵ Там же. Вып. 3. Пг., 1917. С. 72–73.
- ⁶ Там же. С. 82.

Библиография

- Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С.А., 2007.
Розанов В.В. Из восточных мотивов. Пг.: Типогр. «Сириусь», 1916.
Розанов В.В. Из восточных мотивов. Вып. 3. Пг., 1917.
Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Соч. Т. 1. М.: Правда, 1989.